

**Александр
Борохов**

Зал

ожидания

Александр Борохов

Зал ожидания

«Издательские решения»

Борохов А.

Зал ожидания / А. Борохов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900840-4

Вся наша жизнь — это зал ожиданий. Мы все время ждем... Мы хотим встретить того единственного человека, с которым планируем прожить долгую и счастливую жизнь. Мы мечтаем встретить любовь и удачу. Зал ожидания — это маленький островок надежды в бескрайнем море человеческих страстей. А море — это стихия! Слово «стихия» — это капля в море слов, которая сама вмещает в себя целое море. И ещё. Если разложить это слово, получится: «Стих и Я».

ISBN 978-5-44-900840-4

© Борохов А.
© Издательские решения

Содержание

Дактилоскопия души	6
Баллада о пустых стульях	7
Баллада о чугунных башмаках	9
Простой ответ	11
Крошки Любви	12
Где же тот человек...	13
Сон о Париже	14
Реквием по мечте	15
Жизнь по Эпикуру	16
О бесполезности пользы	17
Ночной разговор с другом	18
Пока живут на свете Старики...	19
Оптимизм по-чешски...	20
Два сердца	21
Светает...	22
Непраздные размышления о празднике	23
Несбывшееся	24
Взгляд	25
Эпитафия современному Дон-Кихоту	26
Маэстро	27
Поручик из Харбина	29
Кресты и звёзды	30
Красным по Белому	31
Судьба такая...	33
Утопия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Зал ожидания

Александр Борохов

Корректор Ольга Панарина

© Александр Борохов, 2018

ISBN 978-5-4490-0840-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вся наша жизнь – это один большой Зал ожиданий. Мы всё время кого-то или чего-то ждем...

Мы хотим встретить того единственного человека, с которым планируем прожить долгую и счастливую жизнь. Мы мечтаем встретить любовь и удачу, а также побыстрее проводить проблемы и неприятности, вместе с теми, кто нам их причинил.

Зал ожидания, это маленький островок надежды в бескрайнем море человеческих страстей. А море – это стихия! Слово «стихия» – это капля в море слов, которая сама вмещает в себя целое море.

И ещё...

Если разложить это слово, получится: «Стих и Я», значит стихотворения – это отпечатки нашей души, поэтому сборник и начинается со стихотворения: «Дактилоскопии души», а оканчивается «Размышлениями о дороге».

И если Читатель найдет в этом сборнике что-то своё, то «переливание душ, считайте удалось»...

Дактилоскопия души

Вот так обычно и рождаются стихи...
Как-будто время, взявши «Поляроид»,
Запечатлеть решилось вроде,
Надежды, мысли, промахи, грехи...

Удачи, боли, взлёты и паденья,
А также длинный список, тех потерь,
Что не вернуть уже, а значит «верь – не верь»,
Тот список будет пополняться без сомненья...

Рождается строка... и ты подобно магу,
Пером взмахнул: «Стоп время, не спеши!»
И отпечаток собственной души,
Чернильным следом ляжет на бумагу...

Баллада о пустых стульях

Давно это было, но было,
Много веков назад,
Солнце так же всходило,
И так же пылал закат.

Двенадцатый век на исходе,
Гонимые с многих мест,
Пришли сюда иудеи,
Неся свой тяжелый крест...

Вот и вкралась ошибка,
Хотя так бывает всегда,
С крестом, наверное проще,
Их ношей, была звезда!

Шесть острых углов торчащих,
Сплетаясь в Давидов щит,
От прошлых и настоящих,
Должны были бед защитить...

Но гладкий исход лишь в сказках,
И щит не держит удар,
За карнавалом масок,
Не виден костров пожар!

Лейпциг, конечно Лейпциг!
Ярмарки шум, кутерьма,
Медленно, очень медленно,
Над городом сгущается тьма.

Никто не заметил сразу,
С товаром или просто сама,
В город вползала зараза,
«Черная Смерть» – Чума...

Почти на столетие вымер,
Но словно феникс восстал,
Воротами отгородившись,
Целый еврейский квартал.

Проходит еще столетье,
И изгнан опять народ,
Можно прийти лишь на ярмарку,
Целых три раза в год!

Снова мелькают столетья,

Падает дней листва,
И вот свершается чудо,
Еврей получает права!

Вот наконец-то счастье,
Ты принят, как равный тут!
Правда, через столетье,
Все это вновь отберут...

Четырнадцать тысяч жизней,
С дымом ушли в небосвод,
Терезен, Освенцим, Дахау,
Таков был последний исход.

На месте той синагоги,
Долго горел пожар,
Вместе свечами сгорели,
Те, кто не смог сбежать.

Там ныне поставлен памятник,
Много стульев пустых,
Все без имен и званий,
Те, кто сидел на них.

Шесть миллионов стульев,
Тянуться за горизонт,
Петли, печи и пули,
Вечный людской позор.

Только опять ошибка,
Стулья умеют молчать,
Мы не умеем спрашивать,
Они не хотят отвечать.

Ночью, Лейпцигской ночью,
Когда не слышна капель,
Ветер чуть слышно доносит,
Шепот: «Шма Израэль»...

Но не исчезнет память,
Не порастет быльё,
Если я буду помнить,
Что место там есть и мое!

Баллада о чугунных башмаках

Впустую время не тратьте!
Вас ожидает сюрприз!
Хотя не найдете на карте,
Где протекает Стикс!

Красивой и голубою,
Должна быть река для Рая,
Но сколько ж невинной крови,
Растворено в Дунае!

Вот группа растерянных жителей,
Всего шестьдесят человек,
Глаза их заполнены ужасом,
Сейчас оборвется их век!

Над набережной плач и стоны,
Пуля всего в девять грамм,
Вмещает в себя три тонны,
И жизнь превращается в хлам...

Все скованны цепью тяжелой,
Сейчас уйдут в никуда,
Выстрел, за ним паденье,
Всплеск, и сомкнулась вода...

Холодно и отчужденно,
У ног их плещет беда,
Стала звездой Харона,
Желтая их звезда.

Туфли сняты заранее,
Зачем пропадать добру,
Кто-то живой их примерит,
Завтра же, по утру....

Качнется истории маятник,
Пройдет шестьдесят всего лет,
Здесь будет значительный памятник,
Имен и фамилий здесь нет...

Свидетели последнего шага,
На берегу красивой реки,
Выстроились не для парада,
Чугунные здесь башмаки...

Вот пара туристов из Дании,

Веселых и молодых,
Сбросив свои сандалии,
Примерить пытаются их.

Такая вот фото-шутка,
О многом нам говорит,
Над мертвой, уродливой туфлей,
Живая нога парит...

Люди хотят избавиться,
От прошлого как от оков,
Как сохранить этот памятник?
На шестьдесят веков!

Шаги, ведущие в пропасть,
Откуда возврата нет,
Обувь как в вечность пропуск,
Это цена за билет...

Туристы галдят на набережной,
Любуясь красивой водой,
И лишь башмаки наполнены,
Забывтой чужой бедой...

И все же есть неоконченность,
Нужен последний штрих,
Чтоб навсегда запомнился,
Чей-то предсмертный крик...

И пусть башмаки немые,
Из памяти, чтоб не стерлись следы,
Нужен внезапный звук выстрела,
И сразу же, всплеск воды...

Простой ответ

Я больше не звоню своим друзьям,
Они мне не звонят, я тоже не в обиде,
Плохою рифмой липнет грязь к князьям,
...И жизнь в обычном затрапезном виде.

Вопрос безвкусный, как пакетный суп,
Банально-пресный, как вода в стакане,
«Ну как дела?» мычишь: «Спасибо друг».
А дальше, только титры на экране...

Все меньше есть, о чем поговорить,
Разводы, жены, дети, пашешь до икоты,
Такая жизнь, и надо ее жить!
Однообразие уже не вызывает рвоты.

Смешно перевалив за пятьдесят,
В заброшенном саду искать плоды удачи,
Два раза счастлив, вот и весь улов,
Похоже счастье получил как сдачу...

А из камней, разбросанных в саду,
Не торопясь, спокойно строю стену,
От тех, кого я помню и люблю,
Предпочитая добровольность плена.

Я больше не звоню своим друзьям...

Крошки Любви

Я снежинкой растаю в твоих теплых ладонях,
В них останется только лишь капля воды,
Только капля воды, ничего в ней нет кроме,
Растворенного моря любви и беды...
Время сушит в гербарии воспоминанья,
Наших встреч, уж давно пожелтели листья,
Что уныло кружат на краю мирозданья,
А глаза —маяки безнадежно пусты...
Что сказать? Что спросить?
Ни к чему нам случайные встречи,
Стерт резинкой разлуки ненужный уже телефон,
Только голые ветви, стучаться в окно словно руки,
Только вечер качает луну в небесах в унисон...
Отказавшись от крошек любви,
Что украсили твой подоконник,
Журавлем легкокрылым душа воспарит в облаках,
Лишь синицей бескрылой устало бьется в ладонях,
Мое сильное сердце в твоих нежных руках
Я кричу небесам: «Наконец-то свободен!»,
Ни обид, ни долгов, ни друзей, ни проблем!
Только сердце прошепчет: «Ну, теперь ты доволен?
Ты оставил меня непонятно зачем»...

Где же тот человек...

Если каждый человек это вселенная, почему же мы так одиноки...

Где же тот человек, что мне нужен,
Среди липкой мирской суеты,
Будут лучше, будут хуже,
Но не будет такой как Ты...
Злее нет одиночества стужи,
Как молитва среди пустоты,
«Будут лучше, будут хуже,
Но не будет такой как Ты...»
Я делами по горло загружен,
Но своей не оставлю мечты,
Будут лучше, будут хуже,
Но не будет такой как Ты...
Пусть я с кем-то когда-то был дружен,
Не тебе, подаривши цветы,
Будут лучше, будут хуже,
Но не будет такой как Ты...
Замерзают осенние лужи,
Я вздохну и скажу с высоты,
«Будут лучше, будут хуже,
Но не будет такой как Ты...»

Сон о Париже

И опять мне приснился Париж,
Ощущенье как в небе паришь,
Не касаясь ни шпилей, ни крыш,
Над мечтой, над Парижем царишь!
Дежавю, дежавю, дежавю,
Над Монмартром бушует весна,
И я облаком легким парю,
И во сне мне совсем не до сна!
Сердце бьется в груди словно стриж,
Где мечты, а где грустная явь?
Я тебе покажу МОЙ Париж,
Только веки закрой и представь...

Реквием по мечте

Моим безвременно ушедшим коллегам

Врачи уходят постепенно в НИКУДА,
Долги, разводы, суициды и инфаркты,
Их финиши, похожие на старты,
С забегом в пустоту и в «НИКОГДА»...

Не все, увы, родились Авиценной,
Хотя сейчас не время Авиценн,
Врач – функция в халате, неизменно,
С зарплатой нищих в небоскребах цен.

«Светя другим, я сам – сгораю»,
Две ставки как верблюжьих два горба,
Да мы сгорает или «выгораем»,
Вполне завидная Судьба!

Печально подводить сейчас итоги,
Пишу, пропитанные болью строки,
Мы одиноки и разочарованы как Боги,
А слово «Врач» – звучит сегодня горько...

Жизнь по Эпикуру

Когда бушует в гневе темный океан,
И люди в страхе шепчут Бога имя,
Хоть я и трезв, но всё ж от счастья пьян,
И радуется одно, что я не с ними...
Когда бредет устав от жажды караван,
И жизнь вмещается в глоток или кусочек дыни,
Верблюд горбат, горбат песком бархан,
И радуется одно, что я не с ними...
Беда стучит в чужую дверь ногой,
Удобней быть слепыми и глухими,
Когда ведут толпою на убой,
Лишь радуется одно, что я не с ними...
Жизнь не игра, порой неравный бой,
Среди людей, ты одинок в пустыне,
И счастливы они, что не с тобой,
Это цена твоя, что рад, что не был с ними...

О бесполезности пользы

Клеит больной коробочки,
В каждой – кусочек прошлого,
Так же как в этих строчках,
Мало в этом хорошего.
Взгляд стеклянно-бессмысленный,
Все в прошлом: семья и карьера,
Впрочем, забыто и прошлое,
Только лекарств без меры...
Жизнь сигаретой размерена,
Смысла в ней нет места,
Сколько он коробочек сделает,
Богу не интересно!

Ночной разговор с другом

Михаилу Вингурту

На доньшке водка в стакане,
И плавно плывут облака,
Зализаны старые раны,
«Вот только...», выводит рука.
Вот только... Строка замирает,
И сыт, и обут, и здоров,
Вот только... И вновь не хватает,
Каких-то особенных слов.
И вроде бы жизнь получилась,
Точнее, как лань пронеслась,
Вот только... Два слова мешают,
Сказать, что она удалась...
Конечно, могло быть и хуже,
Конечно, есть горше удел,
Вот только... Мне сильно мешают,
Как что-то я вдруг проглядел...
Однажды уже появившись,
Та мысль, не дает мне уснуть,
Ведь вроде бы все получилось,
Вот только.... Не надо – Забудь!

Пока живут на свете Старики...

Старики – усталые дети,
На заброшенной детской площадке,
И играть им не с кем на свете,
Разве только со Смертью в прятки...

Старики – усталые дети,
Часто страшно им и одиноко,
Все крепчает Времени ветер,
Их, сдувая в Космос далекий.

Старики – усталые дети,
Не глазами плачут, а сердцем,
Равнодушья зима на планете,
Им у наших бы душ отогреться!

Старики – усталые дети,
Суевливы, по-детски капризны,
Не довольны, то тем, то этим,
Как улитки ползут по жизни.

Старики – усталые дети,
Не дадут за коня полцарства,
Телевизор, да плед из шерсти,
Из игрушек – одни лекарства...

Старики – усталые дети,
Как на руки им хочется к маме,
Не забудьте, свой день разметив,
Что нам тоже быть стариками!

Старики – усталые дети,
В нашей жизни им мало места,
Не бросайте их на площадке,
Это правильно, это честно!

Оптимизм по-чешски...

Илье Айдинову

В долгах и проблемах, как рыба в сетях,
И скалит судьба рот в чеширской усмешке,
Напомни себе: «Все мы только в гостях,
Пока не пошили нам белые чешки...»

Инфаркт, рак, инсульт, суицид или грипп,
Мы в шахматах Бога, не больше, чем пешки,
Но можем легко вознестись на Олимп,
Лишь стоит одеть снежно-белые чешки...

А счастье всегда за соседним бугром,
А вехи пути, просто на просто вешки,
Когда в небесах зарождается гром,
То там маршируют обутые в чешки...

И всё же так хочется что-то успеть,
А жизнь протекает то в гонке, то в спешке,
«Сеат» иль «Феррари» ты будешь иметь,
За тем, чтоб сменять их на белые чешки!

Конечно я верю, все будет путём,
И жизнь наша станет и чище, и лучше,
Когда мы на цыпочках тихо уйдём,
Уйдём в никуда... В белых чешках от Гуччи...

Меня не достать ни врачам, ни больным,
Мне ваши проблемы, разгрызть как орешки,
Поскольку я бизнесом занят иным,
Из вечности шью всем вам белые чешки!!!

Два сердца

Памяти Тобы

Глаза по привычке смотрели в глаза,
Но в них отражалась лишь боль и разлука,
Хозяин вернется домой как всегда,
Собака не знала, что жизнь тоже сука!
А глупые тетки сменяли друг друга,
Она все ждала и ждала у порога,
Собака была мне единственным другом,
И что-то просила Собачьего Бога...
На самом же деле она понимала,
И радость в глазах постепенно угасла,
А драма, как ком все быстрее нарастала,
И душу не грели сосиски и масло...
И рыжее счастье, свернувшись в комочек,
Заснуло обычно на кожаном кресле,
И было тоскливое серое утро,
И было холодным собачье сердце.
Хозяин сжигал сигареты как спички,
И тоже уснул в метро, до конечной,
Но там он не вышел, и врач по привычке,
Вздыхнув, проворчал: «Эх, сорвалось сердечко»
Так было ль, так будет, я право не знаю,
Ведь можно же жертвою стать обстоятельств,
Мы вместе гуляем с собакой по раю,
Где косточек море... и нету предательств!

Светает...

Алой бритвой рассвета, вскрыто чрево у ночи,
Мы совсем не другие, мы похожи на прочих,
Мы грустим и страдаем, мы танцуем и пляшем,
Под пятою у Бога, в муравейнике нашем...

Непраздные размышления о празднике

Просто подарите в этот день свою счастливую улыбку,
Что не надо одиноко коротать свой век,
И скажите Богу лишний раз спасибо,
Лишь за то, что есть у Вас ЛЮБИМЫЙ человек!

Несбывшееся

Свеча горела на столе,
Свеча горела...
А мысль, подобно вялой тле,
Ползла и тлела, тлела, тлела...

Взгляд

Белый снег кружится, падает легко,
На душе так чисто, на душе светло,
Синий ветер плещет, где-то там вдали,
И мечты уплыли словно корабли...
Позабыв обиды, всматриваюсь в даль,
Никого не жалко, ничего не жаль!

Эпитафия современному Дон-Кихоту

Прохожий, тише, пусть он спит,
Но если ты пришел сюда, послушай,
Здесь тот лежит, кто тем лишь знаменит,
Что не давал спать Вашим душам...

Маэстро

След в истории – это не то, сколько ты прожил, а как и для чего.

Констанция больна, а на дворе весна,
Сомненьями звучит судьбы моей струна,
Мой Бог, я так устал, не чувствую весны,
Не музыки хочу – я жажду тишины.
Да... на дворе весна... А денег нет, как нет,
Констанция больна, вот, если бы букет...
Я мог бы ей купить, ну, скажем, алых роз,
Чтоб всю любовь вложить в принцессу моих грёз.
Но нет, не суждено... Как холодно в доме,
Я музыкой горю, я в нотах, как в дыму!
Уж скоро рассветёт, и я, в который раз,
Задумаюсь над тем, кто сделал мне заказ.
Был в чёрное одет мой необычный гость,
По-моему хромал, иначе – к чему трость?
И молча головой кивнув туда-сюда,
Он вдруг меня спросил: «Вы Вольфганг Моцарт? Да?»
Тут я ему кивнул, как будто бы в ответ,
Мой странный визави, по странному одет,
К чему весь маскарад? Ах, все как мир старо.
Пусть бархатный берет, но алое перо?
Как пламени язык, но не об этом сказ.
Он тихо произнес: «Я Вам принес заказ»
– Соната, серенада, концерт, дивертисмент?
– Нет, Реквием, маэстро. Прочувствуйте момент.
Вот Вам, пока, аванс. Что талеры? Вода.
Там должен быть фрагмент труб Страшного суда!
Я Вас не тороплю, но, честно говоря,
Я жду от Вас заказ к началу декабря.
Он тростью постучал по мостовой из плит:
«Вам цифра тридцать шесть о чем-то говорит?»
– семнадцать месс... не то... не десять серенад,
Дивертисментов семь, а сколько же сонат?
Постойте-ка, ну да, конечно, что-то есть...
Соната «Хаффнер», вот, под цифрой тридцать шесть...
Гость улыбнулся мне: «Я просто так спросил,
Я, кстати, восхищен, откуда столько сил?
Фантазии и рондо, мой сударь, извините,
Вы музыкой живете. Когда ж Вы, право, спите?
А, впрочем, ерунда. И вновь я повторю,
Исполните заказ, и точно к декабрю.
Да, сударь, к декабрю. И это тоже факт.
А как бы зазвучал у Вас девятый такт?
Там есть такой момент, он нежен как мимоза,
Там легкая печаль, с названьем «Lacrimosae»

Ну, сударь, мне пора. Я заболтался с Вами,
Вы пишете душой, а я плачу деньгами...»

Так, где мое перо? Здесь будет «фа-диез»,
А может «си-бемоль», иль лучше, все же, без...
Смыкаются глаза, перо мне руку жжет.
Мне надо все успеть, меня заказчик ждет!
Констанция, поверь! Вернется счастье в дом!
Декабрь. Рождество... А после – отдохнем...

Поручик из Харбина

Я вчера и всегда непременно один,
И до боли гляжу в небеса голубые,
Как открою глаза, вижу шумный Харбин,
А закрою и вновь, вижу сны о России...

Что оставил я там, купола, да кресты,
Тишь лесов, гладь озер и цветы полевые,
Лишь руины надежд в черноте пустоты,
Средь которых в бреду бродит красный Мессия...

И от золота пагод, тускнеет погон,
И мелькают то рикши, то кули смешные,
Даже русская речь, здесь похожа на стон,
А величье и честь только в снах о России...

В барабане патрон, лишь щелчок и в Раю,
О тоске вам расскажут глазницы пустые,
Но тревожит одно, у судьбы на краю,
Что уже не увижу я сны о России...

А в России зима, кроет белым дома,
Но снежинки не скроют следы пулевые,
И Россия-тюрьма, и чужбина — тюрьма,
А свобода лишь есть только в снах о России...

Кресты и звёзды

(Прогулки по кладбищу Александро-Невской Лавры в бывшем Ленинграде)

Вы все за что-нибудь погибли,
Мы все здесь будем рано или поздно,
Но время всех здесь примирило,
Кресты и звёзды, кресты и звёзды.

Гербов суровость и идей крылатость,
Застыли в камне чьи-то кровь и слёзы,
А нам в наследство лишь осталось,
Кресты и звёзды, кресты и звёзды.

И крест, неся кто на спине, а кто в петлице,
А звёзды так прекрасны словно грёзы,
Уходит всё, но что-то остаётся,
И это что-то лишь кресты и звёзды...

Красным по Белому

совместно с Сергеем Ивановым

Затерянный хутор в низовьях Дона,
Надежда и вера, рассыпаны в прах,
Плывут по реке золотые погоны,
Под марш похоронный, в усталых сердцах...

В шинели, с неполным георгиевским бантом,
В землянке стоял боевой генерал,
Он с болью взгляделся в своих адъютантов,
На крест помолившись, негромко сказал:

«Безумная буря прошла по России,
Но близок позорный и страшный конец,
Оплатим грехи и свои, и чужие,
Пусть платой послужит терновый венец!

Не стоит друзья, ни о чем не жалейте,
Ну что ж, коль не сядет орёл на погон...
Не будем об этом, поручик налейте,
В солдатские кружки простой самогон.

До дна и по полной, война отгорела!
Мы тоже уходим, пожалуй пора,
За наши погоны, за честь офицера,
За нас кавалеры, за вас юнкера!

За барышень наших, потерянных где-то,
На страшных дорогах Гражданской войны,
Дай Бог им удачи, в скитаньях по свету,
Пошли им хотя бы красивые сны...

Не хочется верить, что нашим дорогам,
Уже никогда и нигде, не сойтись,
Вы будете вечно, чисты перед Богом,
В какую бы грязь, не толкала вас жизнь!

Мы вовремя скажем последнее слово,
В нагане недаром оставлен патрон,
Пусть каждый исполнит смертельное соло,
Отвесив Отчизне прощальный поклон!

Я всех вас запомнил, безусых мальчишек,
За вами герои и слава, и честь!
Вы жертвы Судьбы, предначертанной свыше,
А я вас, увы! Не сумел уберечь...

Растаяли звёзды, уж небо светлеет,
Спрессуем что было, в единственный миг,
И я буду первым, я право имею,
Свинцовой тропинкой пройти напрямик...

Тяжёлый от спирта и запаха гари,
Лениво растаял от выстрелов дым,
И алые капли, по блеску регалий,
Приветствие павшим, прощенье живым!

Идут эскадроны, простреляно знамя,
Кровавой зарею начнется рассвет,
Они не прорвались сквозь красное пламя,
Но в Вечность купили последний билет!

Судьба такая...

Михаилу Беляеву

Как устал я от долгой разлуки с собой,
В одиночество тогу, как в саван судьбою укутан,
Обещаньями крепкою сетью окутан,
Из Итаки в атаку, когда же услышу отбой?

Но убит тот трубач, а труба захлебнулась от крови,
Где последний рубеж, да и будет ли он?
И троянских коней слышен храп, где под стенами Трои,
Пал последних Надежд, последний, штрафной легион...

Пала Вера хрипя, под ударами жизненной прозы,
У Любви пополам переломлен хребет,
Цель исчезла, остались одни только грёзы,
И в большом нашем «Да»,
Видно тысячи маленьких «Нет»...

Утопия

Роману Бурштейну

Я нарисую свой мир,
Уже и замысел есть,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.